

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой истории педагогики СПбАППО.
Научный руководитель - доктор философских наук, профессор М. В. Захарченко*

В 90-е гг. XIX в. вопросы образования и воспитания стали предметом теоретической рефлексии. Они притягивали к себе философов, писателей, ученых, очеркистов и публицистов. Широко обсуждалось влияние официальных устоев государственной образовательной политики на духовное становление вступающего в жизнь ребенка.

Предметом нашего внимания будет педагогический процесс средней школы, воплотившийся на страницах книг в художественный образ. По мнению религиозного философа и педагога В. В. Зеньковского (1881-1962), изучение школьной среды и чем она создается, прежде всего подводит к вопросу об авторитете¹.

Школа рассматривается им в труде «Педагогика» как вид социальной структуры. Говоря о том, что существуют социальные структуры, основанные на иерархии (соподчинении), сотрудничестве (кооперации) и борьбе (соперничестве), ученый относит школу к числу иерархических структур. А вот художественная литература высветила скорее третий вид - сопернический и в крас-

ках изобразила грубые искажения явления авторитета учителя во власть. Многие писатели не пожалели темных красок. Например, Б. П. Никонов свои очерки «В стенах гимназии» посвятил товарищам по гимназии и «всем жертвам школьных сумерек», а описываемое время назвал «эпохой толстовско - деляновского помрачения мозгов»². Учебный процесс в них представлен как отношения «палачей» и «жертв». А. Великопольский (педагог) в очерках тоже писал о жертвах. Одна из его книг названа «Черные жертвы»³.

Отношения учителей и учащихся в названных произведениях изображаются полем брани, на котором постоянно сталкиваются два враждебных лагеря.

Каждая из сторон ставит себе целью ослабить противника. Учащиеся ненавидят школьный порядок, а учителя стараются задавить любые проявления самостоятельной воли. Чтобы быть сильнее и дети, и взрослые объединяются в «товарищества». Дети шалят, но не выдают друга. Учителя свой авторитет пытаются сложить из силы,

поддерживаемой государством, которое велит педагогам в школе, как на наковальне, выковать «уважение к власти и привычку к повиновению». Так о целях воспитания в средней школе высказался директор из очерков и рассказов А. Яблоновского⁴. Учащиеся в свою очередь стараются найти слабые места у учителей, сорвать учебный процесс, сделать учителя «шелковым», зло высмеять его.

Осложняются такие жестокие отношения еще и тем, что среди «соратников» нет единства. Внутри «товариществ» тоже идет борьба за власть. Новеньких среди школьников подвергают своего рода искусу, ставят их в ситуацию нарушения порядка, вынуждают подвергаться строгим наказаниям. Так проверяют, достоин ли он «товарищества» или нет, станет ли фискалом или выдержит. В лагере преподавателей идет борьба за то, кого посчитать виноватым в различных нарушениях. Учителя считают, что директор распустит детей, и поэтому шумно в классе. Директор оказывает давление на учителей, напоминая, что самим надо бороться за авторитет. Педагогическое «товарищество» часто так рисуется художниками слова, что почти не увидишь человеческих лиц. Традиция такого изображения породила в дальнейшем странное, на первый взгляд, противопоставление учитель - человек. И протянулось оно на долгие годы. Вспомним известнейшее произведение Г. Полонского «Доживем до понедельника». Очень красноречивым является эпизод, когда Илья Семенович очень хочет покурить и спрашивает у опоздавших детей, нет ли у них спичек. Мальчики ответили отказом, чтобы не заподозрили, что они только что курили. Далее последовал интересный диалог:

- Надо было дать, - сказал второй мальчишка. - Он нормально спросил, как человек.

Шуплый со знанием жизни возразил:

- А кто его знает? С одной стороны - человек, а с другой-то - учитель... Пошли⁵.

Вот так оказывается сформирован стереотип отношений учащихся и учителей. Почему-то понятия «учитель» и «человек» расподобились. Либо преподаватель как официальное лицо внушает страх, священный трепет, либо преодоление этого страха внушает презрение к нему, желание высмеять, унижить. Если читать книги о средней школе, написанные в конце XIX - начале XX в., подряд, то сразу бросится в глаза то, что нет среди них ни одного, которое бы не затронуло проблему ученического «товарищества». Особенно ярко запечатлена она у Н. Г. Гарина-Михайловского в «Детстве Теме» - (1892)⁶, которое, так же как и «История моего современника» В. Короленко⁷ и ряд других произведений, разворачивает перед нами историю развивающегося самосознания, историю поиска маленьким человеком своего места в жизни. Тема и другие герои мучаются «проклятыми вопросами»: ведь и замалчивать беззакония, творимые «товарищами» тоже плохо, подкладывать учителю иголку на стул и молчать об этом ужасно жестоко, а предупредишь безобразия - станешь сразу предателем. Писатели точно заметили, как прочно в таких ситуациях вырабатывается привычка к постоянному надувательству. Даже добрый и любящий сын Тема - герой Гарина-Михайловского тренируется на маме обманывать «смотря на нее как на подготовительную для себя школу по части надувания более опытных своих учителей». Ему, как и другим маленьким героям произведений, уже представляется, что уважать учителя, считать его за серьезного человека невозможно. Поэтому тянется издавна традиция кличек, в которых исчезает человеческое лицо. Учитель в них напоминает злобное чудовище. Учащимся кажется, что «вражеский лагерь» состоит скорее из злобных духов, а не людей. Например, у Л. Чарской⁸ в повестях об институте за порядок отвечает «костлявое привидение». Она «шипит», а не разговаривает, а ее прикосновение напоминает прикосновение лягушки. Героиням повести «Княжна Джаваха»

арифметику преподает «вампир», его уроки считаются наказанием свыше. Вообще образы злых учителей очень похожи на выморочных героев Салтыкова-Щедрина. Они изображены гротескно. Их лица нездорового цвета, зеленеющие или синеющие от негодования, окаменевшие в какой-либо гримасе. Они даже почти лишены человеческой речи, потому что «шипят», «брюзгливо пилят» или «распекают, упиваясь краснобайством» (К. Чуковский) .

Крайнее выражение безжизненности, бесчеловечности учительской службы приобрело в образах Беликова (А. П. Чехов. Человек в футляре, 1898)¹⁰ и Передонова (Ф. Сологуб. Мелкий бес, 1902)". Сочетание слов «человек в футляре» нам уже примелькалось, стало, по мнению З. Паперного¹², чем-то средним между цитатой и половицей. Выражение построено на контрасте, парадоксальном сведении того, что должно быть одухотворенным, живым, разумным - и футляра, в котором хранятся всегда неодушевленные вещи. На память сразу приходят и другие названия: «Живой труп» или «Мертвые души», и уже не режет слух, что мертвой оказывается душа - символ бессмертия. В творчестве А. П. Чехова осмыслено еще одно понятие, противопоставленное слову «учитель» понятие «чиновник». Это как промежуточная стадия к «футляру» (если иметь в виду образую ассоциацию, положенную в основу рассказа о Беликове, а именно: человек - футляр - гроб). Например, в рассказе «Учитель словесности»¹³ Никитин в момент напряженного раздумья признается себе, что он «вовсе не педагог, а чиновник, ... никогда у него не было призвания к учительской деятельности... обращаться с детьми не умеет...». Но вернемся к Беликову. Через четыре года его образ получил прямую переключку в произведении Ф. Сологуба «Мелкий бес». После Чехова наиболее последовательное и законченное выражение «футлярной» темы можно найти именно у Сологуба. Герои сходятся в своем маниакальном страхе перед властью и жизнью вообще. Сходятся

эти герои и в другом. Они стали крупными художественными открытиями, встали в один ряд с нарицательными образами-понятиями: «обломовщиной», «чичиковщиной», «карамазовщиной» и т. д. Они воспринимаются не только как типичные представители педагогов, характерные для времени 80-90-х гг. XIX в., но и как олицетворение вневременного явления духовного рабства. Так, за незамысловатыми эпизодами из школьной жизни неожиданно проступает, вырисовывается с помощью художественных средств глобальная проблема неспособности людей к духовной свободе. Беликов, с одной стороны, трусливо прячется от жизни, а с другой - мощно давит своим вторжением в нее. Глубокая мысль, заключенная в чеховском типе, - о нерасторжимости рабства и деспотизма - важна и для «Мелкого беса». Рабский испуг перед враждебной действительностью развязывает у Передонова мстительные инстинкты. По ходу романа мы наблюдаем, как нарастает его агрессия и жестокость.

Русская общественная мысль и литература, ужасаясь подобными типами людей, задавалась вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?». Чаще всего приходили к выводу, что такие типы людей порождает время реакции. Но если вчитываться внимательней в творения писателей, то будет все больше проступать их надбытовой, символический смысл. Герои произведений несут в себе и социально-типические характеристики и вместе с тем воплощают и вневременные начала, к которым автор возводит изображенное «временное».

Опыт переживаний и размышлений по поводу средней школы есть у каждого взрослого человека. Времена во многом изменились, уже невозможно свалить проблемы на общественную реакцию, но в вымышленных героях дореволюционной школы многие учителя и учащиеся легко узнают себя сегодняшнего и легко могут сделать вывод, что страдали раньше, по сути, от того же, что и теперь, и радовались - тому же. Перечислим, какую картину детских

страданий можно нарисовать, прочитав книги о школе.

1. Учащиеся мучаются от откровенной злобы со стороны учителей, поставивших во главу угла в воспитании и обучении систему неотвратимости наказания.

2. Обижают несправедливые наказания.

3. Мучает жестокое отношение одноклассников. Учителя не защищают, а часто добавляют обид.

Безусловно, время часто выдвигает достаточно жесткие требования к системе воспитания и обучения. На преподавателей возложена ответственность в своей деятельности ожиданиям государства. В сложные для государства времена распоряжения могут грозить перегибами, отравляющими жизнь и учащимся, и учителям. Но лучшие представители учительства всегда помнили об ответственности своего служения. Таковы, например, героиня рассказа Н. С. Лескова «Кадетский монастырь»¹⁴. Учителя-праведники из лесковского рассказа всегда помнили, что, работая с учениками, ты отражаешься в их душах, оставляешь отпечаток в их сердце. Хорошо, если он будет положительным. Способность любить своих учеников и свой труд во все времена могла преодолеть все. Художественная литература продемонстрировала это в образах любимых учителей. Перечислим, за что учителя были любимы: 1) за любовь к детям и понимание их проблем; 2) за внешнюю красоту, излучающую благородство и добро; 3) за заботу, справедливость (даже при строгости), мягкость и снисходительность.

Никакая система не помешала им смотреть на учеников радостно и ласково. Появление их в классе всегда было встречено лучистыми глазами детей. Таков, например, батюшка Василий из повести Л. Чарской «Соперницы» или учитель естественной истории из «Детства Тёмы» Гарина-Михайловского: у него «приветливый, ласковый взгляд», проникающий вглубь души. В учителе истории из книги А. Яроша «До университета»¹⁵ восхищали благородство и прямота. Больше всего потрясал гимназис-

тов учитель словесности Чернов, называющий изучение своего предмета «совместной дружеской работой».

При таком типе отношений авторитет свободно признается, не подавляет волю ученика, а даже стимулирует. Литературные примеры подтверждают мысль о возвышающем влиянии авторитетного педагога, а не подавляющем. Подавление происходит лишь при искаженном использовании авторитета как власти. О нежелательной модели отношений во время учебного процесса нам всегда напоминает хорошо знакомое понятие «завоевать авторитет».

Итак, литературные произведения ценны не столько с точки зрения изображения конкретных событий или бытовых реалий, сколько созданием типологических обобщений, философским осмыслением действительности. Для особой наглядности, предельной отчетливости в обрисовке характеров и явлений авторы нередко гротескно утрируют изображение. Тяга к «проклятым вопросам» существования и к условно-метафорическим формам их воплощения приводят к тому, что внешне простое содержание оказывается многослойным. За бытовыми реалиями школьной жизни отчетливо проступают явления надбытовые, символично-философские. За обычным стремлением завоевать авторитет на учительском поприще вырисовываются размышления о трагедии духовной несвободы, об отчуждении между людьми, об искажениях природы человеческой, проникнутой ожесточением и страхом. Творческими усилиями художников слова переломного времени система взаимоотношений учителей и учащихся предстала как будто оголенной. Высветилась неразрывная связь духовного рабства, несвободы с тиранией, деспотизмом. Стало понятным, что не существует противопоставления между истинным авторитетом и внутренней свободой. Счастлив тот, кто не завоевывает, не навязывает авторитет, данный самой учительской должностью, а смог удержать свободно признанное уважение.

Писатели сумели донести до нас, что наилучшие отношения в учебном процессе возможны только при свободном творческом

взаимодействии душ учащих и учащихся, только там, где нет места «отвоевыванию» власти, уважения и любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прот. Зеньковский В. В. Педагогика. Клин.: Христианская жизнь, 2002. С. 59-76.
- ² Никонов Б. П. В стенах гимназии (Очерки школьной жизни). СПб., 1907. С. 1, 30, 38.
- ³ Великопольский А. Вечерние жертвы (Рассказы из жизни средней школы). СПб., 1913. С. 154-156.
- ⁴ Очерки и рассказы А. Яблоновского. Харьков, 1902. С. 4-11.
- ⁵ Полонский Г. Доживем до понедельника. М.: Бамбук, 1999. С. 6-7.
- ⁶ Гарин-Михайловский Н. Г. Детство Темы (Из семейной хроники). М.: Сов. Россия, 1977. 240 с.
- ⁷ Короленко В. Г. История моего современника. СПб.: Тип. 1-й труд, артели, 1911. 461 с.
- ⁸ Чарская Л. А. Вторая Нина. СПб., 1994. С. 190-191.
- ⁹ Чуковский К. И. Серебряный герб. М.: Дет. лит., 1967. С. 402.
- ¹⁰ Чехов А. П. Избр. произв. / Сост. Б. Г. Друян. Л., 1974. С. 425-437.
- " Сологуб Ф. К. Мелкий бес. Томск, 1990. 288 с.
- Келдыш В. О. О «Мелком бесе» // Сологуб Ф. К. Мелкий бес. Томск, 1990. С. 5-18. (См. здесь о рабстве и деспотизме).
- ¹² Паперный З. С. Записные книжки Чехова. М.: Сов. писатель, 1976. С. 208-271.
- ¹³ Чехов А. П. Избр. произв. / Сост. Б. Г. Друян. Л., 1974. С. 357.
- ¹⁴ Лесков Н. С. Кадетский монастырь: Повесть и рассказы. М.: Дет. лит., 2002. С. 192.
- ¹⁵ Ярош А. До университета (Из жизни средней школы). СПб.: Типолитография «Энергия», б. г. С. 29.